

**Многоликость целого:
из истории цивилизаций
Старого и Нового Света**

Сборник статей в честь
Виктора Леонидовича Малькова

Университет Дмитрия Пожарского

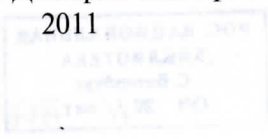
2012-7
2342

Институт всеобщей истории
Российская академия наук
Университет Дмитрия Пожарского

МНОГОЛИКОСТЬ ЦЕЛОГО: из истории цивилизаций Старого и Нового Света

Сборник статей в честь
Виктора Леонидовича Малькова

Москва
Университет Дмитрия Пожарского
2011

Международная социал-демократия начала XX века о войне, мире и национальном вопросе

Бурные события начала XX века, Первая мировая война, невиданные социальные катаклизмы, социальный и национальный излом вызвали естественный и необходимый интерес у теоретиков разного уровня и разных идеологических направлений. Требовали своего теоретического осмысления поставленные временем проблемы войны и мира, национальные проблемы. Особое внимание уделяла этому международная социал-демократия, ставившая задачу переустройства, преобразования буржуазного мира. Своей критической струей отличались теоретики левого крыла социал-демократии, прежде всего социал-демократии Германии и России, стран, непосредственно вовлеченных в водоворот событий. И здесь, разумеется, особо выделяются фигуры В. И. Ленина и Розы Люксембург, которые чрезвычайно много сделали для изучения поставленных нами проблем.

Первая мировая война перевернула привычные представления о реальности. Казалось, что мир рушится, наступает великий кризис, кончается старая, относительно спокойная эпоха, и что-то ждет впереди. Позор и крах цивилизации — общая оценка всех разумных людей. Но если представители либеральных кругов, правых социалистов не ставили вопроса о смене системы, то левые социалисты повсеместно были убеждены, что настал конец капитализма, не может не наступить конец системы, которая породила такое кровавое чудовище — мировую войну, убеждены в том, что после войны настанет эра всеобщей справедливости и свободы — эра социализма, которая к тому же разрешит и все национальные проблемы. Причем эта убежденность была вполне искренней — отсюда такая полемическая страстность, такая уверенность в своей правоте, такое нетерпение и нетерпимость по отношению к своим оппонентам, по отношению к другим концептуальным предложениям. Двигало одно — стремление как можно скорее увидеть зарю нового общества, которое покончит со всей грязью, кровью и несправедливостью, присущих царству наживы — миру капитала¹. Сегодня многое видится

¹ Достаточно привести строки из христианской газеты, издаваемой в Цюрихе, «*Neue Wege. Blätter für religiöse Arbeit*» от сентября 1914 г., чтобы убедиться в том, что левые в своей оценке войны не были так уж одиноки: «За одну ночь картина мира переменилась... Каждый сваливает вину на соседа. Каждый объявляет себя защищающимся, действующим только в состоянии необходимой обороны. Все

по-другому, многое оказалось утопией, стала ясной неадекватная оценка эпохи леворадикальными идеологами, в частности, оценка возможностей повсеместного перехода (в результате войны) капиталистического общества в социалистическое, возможностей и темпов построения бесклассового общества, к тому же лишеного любых расовых и национальных предрассудков, но тогда это было так.

Так думали, при всех отдельных разногласиях, и В. И. Ленин, и Роза Люксембург. Оба считали, что избежать войны не могло ни одно государство — она была неизбежна, объективно закономерна и являлась порождением эпохи империализма, эпохи грабежа, колониальных захватов и передела мира. Она была империалистической, захватнической войной.

Свои основные мысли о войне Роза Люксембург сформулировала в работе «Кризис социал-демократии», написанной весной 1915 г. и известной (по псевдониму ее автора) как брошюра Юниуса, работе, которая, несмотря на определенное, конкретное название, была, как утверждал позднее В. И. Ленин, прежде всего посвящена глубокому анализу войны и ее причин¹. В. И. Ленин опубликовал большое количество работ, посвященных проблемам войны и мира. Это «Война и российская социал-демократия», «Социализм и война», «Военная программа пролетарской революции», «О брошюре Юниуса» и др.

Люксембург подчеркивала, что империалистическая война является продуктом определенной фазы развития, определенной степени зрелости, прежде всего экономической, продуктом мирового развития капитала, «когда густая сеть империалистической мировой политики опутала все пять частей света»². Общей для обоих теоретиков была мысль о том, что всякая война — продолжение политики другими средствами. Теперешняя война, утверждал Ленин в целом ряде работ, в частности, в статье «О карикатуре на марксизм», является продолжением империалистической политики двух

защищают, изволите видеть, лишь свои самые священные блага, свой очаг, свою родину... Национальное тщеславие и национальный задор торжествуют... Даже великий интернациональный рабочий класс... повинуется национальному приказу и избивает друг друга на полях битв... Наша цивилизация обанкротилась... Писатели с европейской славой не стыдятся выступать яростно-слепыми шовинистами... Чем это кончится? Если нищета станет чересчур велика, если отчаяние возьмет верх, если брат узнает брата в военном мундире врага — может быть, наступит еще нечто весьма неожиданное, может быть, оружие обратят против тех, кто травливает в войну, может быть, народы, которым навязали ненависть, забудут ее, объединившись внезапно. Мы не хотим заниматься пророчествами, но если европейская война приблизит нас на шаг к европейской социальной республике, то эта война все-таки была не так бессмысленна, как теперь кажется» (Цит. по: Ленин В. И. Один немецкий голос о войне. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 94).

¹ Люксембург Р. Кризис социал-демократии. М., 1924.

² Там же. С. 80.

групп великих держав, и эта политика питается совокупными отношениями империалистической эпохи¹. Люксембург также отмечала особую роль системы военно-политических блоков, со времен окончания франко-прусской войны поделивших мир на два враждебных лагеря, исключительную роль германского империализма, молодого хищника, не успевшего к дележу пирога и послужившего детонатором в этой войне².

Впрочем, вопрос о зачинщике войны, «о том, какая группа первой нанесла удар или первой объявила войну», не был для левых теоретиков чем-то принципиальным. Ленин подчеркивал, что это не имеет никакого значения при определении тактики социалистов³. Люксембург неоднократно писала, что у каждой из воюющих сторон были свои интересы либо таковые проявлялись в ходе войны, в ее процессе.

Однако при определении «заслуг» каждой из участвующих в войне сторон имели место пусть несущественные, но разногласия. Если Люксембург отмечала, что именно Германия и Австро-Венгрия спровоцировали войну, Ленин, не отрицая этого и руководствуясь своими стратегическими и тактическими соображениями, всякий раз подчеркивал особые «достижения» царского режима, «самой реакционной», как он считал, и «варварской монархии Европы»⁴, «тюрьмы народов»⁵. Впрочем, оба они поступали как истинные интернационалисты (основным тезисом интернационализма, как его понимали левые, являлось критическое отношение прежде всего к своему правительству, особенно в обстоятельствах мировой войны).

Не игнорируя империалистических амбиций со стороны Англии, Франции и других стран, Люксембург имела, однако, свое особое отношение к России, возможно, обусловленное антирусской шовинистической истерией, развязанной тогда в Германии (впрочем, ни одна страна, участвующая в конфликте, не отличалась особо ласковыми выражениями в адрес своего противника). Как известно, к антирусскому хору присоединились германские правые социалисты (так называемые «социалисты большинства»), утверждая, что Германия борется за свою свободу и культуру, на которую посягает варварская русская монархия⁶.

Ленин В. И. О карикатуре на марксизм. Полн. собр. соч. Т. 23.

См.: Туполев Б. М. «Срединная Европа» в экспансионистских планах германского империализма накануне и во время Первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. Отв. ред. В. Л. Мальков. М., 1998.

Ленин В. И. Конференция заграничных секций РСДРП. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 162.

Он же. Война и российская социал-демократия. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 21.

Он же. О национальной гордости великороссов. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 107.

О позиции разных течений в германской социал-демократии см.: Бровка Л. Н. Война, революция и новая картина мира в идеологии германской социал-демократии // Первая мировая война. Пролог XX века.

Будучи солидарна с Лениным относительно общности и внутреннего родства двух империй — Романовых и Гогенцоллернов, — Люксембург отмечала их различия во внешнеполитической сфере. Она утверждала, что милитаристские тенденции, также занимавшие существенное место в России, имеют другую природу, отличную от развитых империалистических держав. Правители России, писала Люксембург, «отъявленные негодяи, но не сумасшедшие» и «действуют в мире реальных возможностей»¹. Основным побудительным мотивом России для участия в этой войне, считала Люксембург, являлась не жажда «экономического расширения» и приумножения капитала, как для Германии или Англии, а стремление к территориальному расширению, что русским царизмом традиционно понималось как укрепление могущества государства с целью занять почетное место в ряду великих держав². Отсюда и стратегическая направленность к выходу к свободным морским путям, и участие в блоковой системе, разумеется, не без задней мысли «обеспечить себе кредиты, без которых царизм не может существовать»³.

Кроме того, Люксембург категорически возражала против утверждения о том, что самая большая опасность исходит от царизма как якобы жандарма Европы, против ссылок на Маркса, относящихся к эпохе середины XIX века, когда царизм действительно являлся таковым. Сейчас же, считала она, русское государство таковым не является. Убедившись на собственном горьком опыте, что «даже в России социальные отношения переросли» его господство, царизм стал меняться, приспособляясь к буржуазным условиям, и даже разработал плохонькую конституцию.

Тем не менее Люксембург отмечала наличие особых экономических интересов у русской буржуазии, являвшейся «фактором империализма» в русской действительности, равно как и ее особые, отличительные черты. Казалось бы, писала Люксембург, именно в ее интересах свергнуть монархию, чтобы Россия из «стадии примитивного хозяйства» могла развиваться в передовое капиталистическое государство. Тем более это было возможно, если учесть неизмеримые естественные богатства России⁴. Однако выросшая в атмосфере революции и особо ощущавшая опасность со стороны внутреннего врага (пролетариата) русская буржуазия была слабой, политически безвольной, прикрепленной к царскому режиму — все это «особо подняло в ее глазах ценность милитаризма». Люксембург отмечала, что именно предчувствие возможной революции требовало от правящих кругов всех стран применения «излюбленного средства для отвлечения от внутренних проблем» — войны⁵.

¹ Люксембург Р. Кризис социал-демократии. С. 42, 58.

² Там же. С. 43.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Там же.

Проблеме разоблачения лозунга «защиты своего отечества» и Люксембург, и Ленин уделяли большое внимание, со всей страстью заявляя, что, поддерживая этот лозунг, социал-демократия выступает за продолжение бесконечной бойни, работает на руку империалистическим аппетитам своих правительств, приносит неисчислимы бедствия своим народам. Эта война, утверждала Люксембург, в силу равновесия в техническом оснащении может длиться бесконечно долго. Более того, независимо от того, кто в ней победит, непременно последует война-реванш и последующие, не менее разрушительные войны. Реакционные войны неизбежны в будущем, если сохранится капитализм, — утверждал В. И. Ленин¹.

Все эти войны, по мнению обоих теоретиков, объективно работают против интересов своей нации, своего народа. По мнению Ленина, признавать защиту отечества в данной войне — значит считать ее «справедливой», отвечающей интересам пролетариата, что не соответствует реальной действительности. Пролетарские классовые позиции в отличие от классовых позиций буржуазии совпадают с интересами нации, а это требует объявления классовой борьбы войне. Здесь точки зрения Ленина и Люксембург совпадали. Поэтому, подчеркивал Ленин, социалисты не против всякой войны, они за справедливые войны — национально-освободительные, войны пролетариата против буржуазии, оборонительные войны в случае победы социалистической революции и т. д.

Страстность и убежденность теоретиков леворадикального крыла социализма были основаны, как уже отмечалось, на искренней уверенности в том, что эта мировая война является острым проявлением глобального кризиса капитализма, переломом эпох, «мировым переворотом», в сущности, концом эпохи капитализма. Это общество, писала Люксембург, «посрамленное и опозоренное кровавой оргией, идет навстречу своей гибели»². Нелепо утверждать, подчеркивала она, возражая «социалистам большинства», настаивавшим на гражданском мире с буржуазией, что можно отсидеться в кустах, а потом «побежать дальше старой рысцой»³. Это невозможно прежде всего и потому, что война дала громадный толчок темпам капиталистического развития, усилила остроту противоречий внутри общества и непосредственно поставила перед пролетариатом огромную задачу преобразования общества. «Эта война была предназначена историей для того, чтобы мощно форсировать дело пролетариата, подвела его непосредственно к борьбе за власть»⁴. Эта же мысль пронизывала все работы Ленина — в годы войны усилились столь присущие ему не-

терпение, радикальность, категоричность, романтическая уверенность в скором, революционном прорыве к социализму, а соответственно, и уверенность в ложности концепций Бернштейна, Каутского, других теоретиков правого социалистического крыла, настаивавших на эволюционном, реформистском пути продвижения к социализму¹.

Современники событий, и это подтверждает новейшая история, всегда полны нетерпения по поводу скорейшего преобразования общества, всегда увлечены романтическими настроениями, часто ложными. Хотя объективности ради стоит отметить, что Первая мировая война настолько потрясла мир своей кровавой оргией, невиданной доселе в истории, что и Люксембург, и Ленин не были тогда одиноки в своей искренней убежденности, что если и дальше сохранить прежние общественные устои, то это будет означать «возврат к варварству», гибель культуры². Левые вообще считали, что мир поставлен перед дилеммой: либо победа социализма, либо триумф империализма и гибель цивилизации.

Однако проблему классовой борьбы и выхода из войны Люксембург и Ленин понимали несколько по-разному. Роза Люксембург по-своему трактовала лозунг классовой борьбы, а тем более не склонна была доводить его до конкретных призывов свершения революции. Неоднократно настаивая на необходимости продолжения классовой борьбы во время войны, она не облакала ее в терминологию гражданской войны. По крайней мере до 1917–1918 гг., когда в силу стремительности развития событий и затяжного характера войны в некоторых вопросах Люксембург оказалась даже радикальнее Ленина, по вопросу о классовой борьбе она высказывалась весьма осторожно — например, что нужно использовать кризис, вызванный войной, для пробуждения народного сознания и, тем самым ускорить падение капитализма или — что война научила пролетариат тому, как стать хозяином своей судьбы³, и т. п.

Оба теоретика считали, что поскольку пролетарские и национальные интересы солидарны, то нации станут действительно свободными только при социализме, который исключит войны как таковые, пос-

¹ Об идеологии Бернштейна и Каутского см.: Кретинин С. В. Карл Каутский (1854–1938): опыт переосмысления // Новая и новейшая история (ННИ). 1995, № 1–2; Он же. Карл Каутский, 1854–1914 гг. Воронеж, 2007; Он же. Каутский против Бернштейна: начало полемики // ННИ. 2003, № 4; Овчаренко Н. Е. Две жизни Эдуарда Бернштейна // ННИ. 1994, № 3–5; Бровко Л. Н. Указ. соч.; Она же. Г. В. Плеханов о теории Э. Бернштейна: полемика по проблемам марксизма // Россия и Германия. Вып. 1. Отв. ред. Б. М. Туполев. М., 1988; Она же. Дискуссия в СДПГ об общественном переустройстве в конце XIX — начале XX века // Левые в Европе XX века: люди и идеи. Отв. ред. Н. П. Комолова, В. В. Дамье. М., 2001.

² Люксембург Р. Кризис социал-демократии. С. 10, 11.

³ Там же. С. 73, 11.

¹ Ленин В. И. Заметки публициста. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 417.

² Люксембург Р. Кризис социал-демократии. С. 5.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 6.

кольку исключит эксплуатацию и национал-шовинизм. Причем Ленин утверждал, что войны станут окончательно невозможными после того, как «мы низвергнем, окончательно победим... буржуазию во всем мире, а не только в одной стране»¹. Победа социализма в одной стране не гарантирует спокойного существования, т. к. она вызовет стремление не только отечественной буржуазии к реваншу, но и «прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата» — оборонительные войны со стороны победившего пролетариата поэтому неизбежны и оправданы².

В глобальном смысле слова лозунг права наций на самоопределение, о котором так часто говорили в международных социал-демократических кругах, осуществим только при социализме — так считали и Люксембург, и Ленин. Для Ленина вообще единственно освободительная война — это война против буржуазии как своей страны, так и чужих стран³. «Нельзя в XX веке, в Европе, — писал Ленин, — «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов своего отечества, т. е. худших врагов нашей родины»⁴. Так возникает лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую, основанный, как считал Ленин, на объективной исторической необходимости. Гражданские войны, утверждал Ленин, — тоже войны. Кто признает борьбу классов, тот не может не признавать гражданские войны, которые во всяком классовом обществе представляют собой естественное, при известных обстоятельствах, неизбежное продолжение классовой борьбы. Все великие революции подтверждают это⁵.

Однако, ставя вопрос о превращении войны империалистической в войну гражданскую (революционную войну пролетариев всех стран против буржуазии всех стран), Ленин подчеркивал (по крайней мере до весны 1917 г., когда он провозгласил лозунг передачи всей власти Советам), что если во всех передовых странах «война ставит на очередь лозунг социалистической революции», то в России, ввиду ее крайней отсталости и незавершенности буржуазных преобразований, необходимо бороться за демократическую республику (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискацию помещичьих земель и 3-часовой рабочий день — три основных условия последовательных демократических преобразований⁶.

Ленин В. И. Военная программа пролетарской революции. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 133–134.

Там же. С. 133.

Ленин В. И. Война и российская социал-демократия. С. 15–23.

Он же. О национальной гордости великороссов. С. 108.

Он же. О карикатуре на марксизм. Т. 23. С. 67.

Он же. Война и российская социал-демократия. С. 21–22.

Люксембург и Ленин категорически выступали против мифов о национальной войне, излюбленного средства для одурманивания народных масс во все времена, против гражданского мира с буржуазией, на чем настаивали «социалисты большинства». Видный теоретик Социал-демократической партии Германии К. Каутский выдвинул концепцию, согласно которой и интернационализм, и классовая борьба — понятия мирного времени, в годы же войны на первый план выступает лозунг защиты своего отечества, «победы или поражения». Суть интернационализма во время войны, отмечал Каутский, состоит в том, что пролетариат, защищая свое отечество, признает это право за пролетариатом враждебной страны¹.

Люксембург отмечала, что социал-демократия позволила себя одурочить «бессмыслицей буржуазного патриотизма», согласно которому всякая классовая борьба является преступлением против защиты родины, поскольку-де неизбежно вызывает ослабление и раздробление вооруженных сил нации². Исторические примеры (та же французская революция конца XVIII века) доказывают, подчеркивала она, что именно на пике классовой борьбы трудящиеся могут отстоять свое отечество от внешнего врага и сохранить завоевания революции. Это ложь еще и потому, продолжала она дальше, что история доказала наличие собственных классовых интересов у буржуазии, интересов, которые нередко конфронтировали с национальными интересами, особенно когда речь шла о собственных привилегиях. Чтобы победить внутреннего врага — пролетариат, французская буржуазия, например, впустила иностранную армию — армию Бисмарка — на свою территорию и действовала с ней совместно.

Роза Люксембург заявляла, что национальные войны в эпоху современных буржуазных государств — мошенничество, и делала из этого категорический вывод о том, что национальные войны в эпоху империализма невозможны. Эти войны, по ее мнению, остались в прошлом, когда национальное единство и независимость являлись идеологическим щитом, под которым организовывалась буржуазия в своем стремлении к государственной власти. Когда же буржуазия достигла власти и обеспечила себе все необходимые привилегии, национальные войны стали

¹ Neue Zeit. 25 Sept. 1914, N. 123. Позиция Каутского во время войны со временем менялась. С лета 1915 г. он вместе с Э. Бернштейном, Р. Брайтшайдом и др. социал-демократами образовали группу «Рабочее содружество», все настойчивее подчеркивая необходимость прекращения войны и заключения мира, все чаще указывали на грабительскую сущность немецких империалистических кругов. См.: Бровко Л. Н. Война, революция и новая картина мира... Указ. соч.; Она же. Рудольф Брайтшайд — человек и политик // Новая и новейшая история. 1998, № 1; Кукушкина И. А. Карл Каутский о влиянии Первой мировой войны на рабочее движение (По поводу неопубликованной работы) // Первая мировая война. Пролог XX века.

² Люксембург Р. Кризис социал-демократии. С. 76.

фарсом для прикрытия ее корыстных интересов, приманкой, «на которую попадались наивные души»¹. Национальная фразеология осталась, подчеркивала Люксембург, а реальное содержание превратилось в свою противоположность — в средство, с помощью которого народы становятся пушечным мясом². А уж данная война тем более не может быть национально-освободительной, т. к. все страны, за исключением, пожалуй, Сербии и Бельгии («против обеих направлены немецкие пушки с воплем, что речь идет о существовании Германии»)³, имеют свои империалистические интересы или же попадают на приманку послевоенного дележа. Учитывая аннексионистский характер империалистических войн, тем более кощунственно, считала Люксембург, выдвигать требование права наций на самоопределение якобы для защиты своего отечества, ибо при победе собственной страны всегда возникает вопрос об аннексиях, то есть о попирании прав других народов.

Итак, Люксембург не признавала лозунга права наций на самоопределение при империализме. Известно, что еще до войны она с особой категоричностью выступала против идеи воссоздания независимой Польши, считая, что это лишь укрепит национализм и реакцию⁴. Точка зрения Люксембург находила своих сторонников в рядах международной социал-демократии. В России ее отстаивали так называемые левые коммунисты — Радек, Бухарин и др.

Люксембург давала свое толкование права наций на самоопределение, понимая его как внутреннее самоопределение народа, его право свободно решать свою судьбу, свободно развиваться и определять свое государственное устройство. Она подчеркивала особую необходимость завоевания демократических прав и свобод, особую роль парламента как выразителя интересов большинства нации. Не случайно поэтому в своей работе, известной как «Рукопись о русской революции», написанной в 1918 году в кайзеровской тюрьме, Люксембург так остро полемизировала с тогда уже пришедшими к власти большевиками по поводу разгона Учредительного собрания, подчеркивая, что здесь было нарушено право на самоопределение для собственного народа, для самой России⁵.

В работе «Кризис социал-демократии», выступая против «защитников отечества», Люксембург ядовито замечала, что первым шагом к

самоопределению наций в происходящей войне была смирительная рубашка осадного положения¹. В частности, подчеркивала она, ее стране, Германии, далеко еще до внутренних политических свобод, и царизм ей вовсе не угрожает. Опасность для ее свободного развития кроется во внутренней реакции, олицетворяемой остальбским дворянством, крупными индустриальными дельцами, милитаристскими кругами, в ее конституции, принятой не в ходе революции, а в результате дипломатической игры «прусской военной монархии»². Такой имперский, военно-монархический порядок, обеспечивающий «господство сабли»³, вызывал особую тревогу у Люксембург, и тревога эта оказалась не напрасной, если иметь в виду последующую историю Германии. В связи с вышесказанным особо нелепыми кажутся заявления тогдашних немецких патриотически настроенных идеологов о том, что Германия призвана спасти культуру и цивилизацию от русского абсолютизма. И Люксембург была совершенно права, утверждая, что, прежде чем браться за русский абсолютизм, неплохо бы уничтожить сначала свою собственную прусскую систему⁴.

В глобальном смысле под правом на самоопределение немецкого народа Люксембург понимала право на создание единой германской демократической республики. Она предлагала использовать этот лозунг как революционный рычаг против империалистической войны, одновременно не допуская его употребления в качестве «плаща национального самоопределения» для ее прикрытия⁵. Исходя из своей демократической концепции права наций на самоопределение, прежде всего как внутреннего самоопределения, Люксембург предлагала восстановление и расширение демократических прав и свобод; неограниченное по времени, в течение всей войны, заседание парламента, призванное контролировать деятельность правительства; право контроля со стороны народа за деятельностью парламента; всеобщее вооружение мужского населения (народной милиции). Таким образом, Люксембург советовала вернуться к марксовой национально-демократической программе 1848 года. Именно это она понимала под классовой борьбой во время войны, именно это, по ее мнению, могло воздействовать «на ведение войны и заключение мира», на осуществление контроля над аннексиями и т. п.⁶.

Таким образом, Люксембург в отличие от Ленина конкретно ставила вопрос о мире, о возможности его достижения под влиянием классовой борьбы. Ленин же, исходя из своих антипацифистских настроений,

Люксембург Р. Кризис социал-демократии. С. 82.

Там же.

Там же. С. 41.

См.: Драбкин Я. С. Первая мировая война и международная социал-демократия // Первая мировая война. Пролог XX века.

Люксембург Р. Рукопись о русской революции // Роза Люксембург. О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма. Сост. Я. С. Драбкин, пер. Рудого. М., 1991. С. 317.

¹ Люксембург Р. Кризис социал-демократии. С. 69.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ Там же. С. 87.

⁶ Там же. С. 72.

утверждал (по крайней мере до постановки большевиками вопроса о власти в 1917 г.), что все разговоры о мире, разоружении, уничтожении тайной дипломатии и т. п. — пустопорожняя болтовня, если лозунг мира не подкрепляется призывом к революционным действиям¹. Глубоко ошибочна мысль «о возможности так называемого демократического мира без ряда революций», подчеркивалось на Конференции заграничных секций РСДРП (большевиков) в Берне в 1915 году, — все это лишь сеет иллюзии, «развращает пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии» и делает его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран². В работе «Социализм и война» Ленин подчеркивал, однако, что нужно использовать усилившиеся антивоенные настроения масс, и социал-демократы должны участвовать в любых акциях в пользу мира. Однако он и здесь писал, что нельзя обманывать народ тем, что якобы без революционных действий и гражданской войны может быть достигнут прочный, демократический мир без аннексий, без угнетения наций, без грабежа, без зародыша новых войн³.

Расхождения между Лениным и Люксембург наблюдались и в оценке лозунга «победа или поражение». Люксембург считала, что с точки зрения революционных перспектив совершенно безразлично (безразлично и народу), победит или проиграет страна, т. к. в силу разрушительного характера этой войны по ее окончании все страны окажутся в одинаковом положении — с разрушенным и дисбалансированным хозяйством, к тому же с перспективой непереносимой войны-реванша. Ленин же настаивал на поражении собственных правительств, что, по его мнению, усугубит кризис и будет способствовать революционному успеху. Он утверждал, что с точки зрения международного пролетариата трудно определить, «поражение которой из групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма», но с точки зрения трудящихся России «наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии»⁴.

Ленин вступил в полемику с Люксембург, опубликовав статью «О брошюре Юниуса»⁵. В целом он одобрительно отнесся к работе Люксембург, подчеркивая свою солидарность в оценке войны, критике правых социал-демократов и т. д. Однако он подчеркнул и свое несогласие по ряду проблем. Прежде всего он считал, что Люксембург недостаточно крити-

чески отнеслась к социал-шовинизму — она вообще не употребляла этот термин, не связывала его, в частности, с довоенным оппортунизмом. Во всех своих работах Ленин, как известно, страстно обличал предательство социал-шовинистов, считал, что вследствие классового сотрудничества с буржуазией (других объяснений теоретических концепций своих оппонентов — того же Каутского или Бернштейна — он просто не знал), отказа от революционных принципов оппортунизм совершенно объективным образом привел к защите военной политики. Ленин категорически настаивал на разрыве с правым крылом социал-демократии, чего, как известно, не делала Люксембург (по крайней мере до бурных событий 1917—1918 гг.), пытаясь сохранить единство социалистических рядов, за что и ранее неоднократно подвергалась критике со стороны Ленина.

Очевидно, что такая, с точки зрения Ленина, непоследовательность имела под собой более глубокие причины, суть которых в особом отношении Люксембург к демократическим принципам и воплощавшим их институтам, прежде всего к парламенту. А парламент, как известно, был стержнем теоретических построений и Бернштейна, и Каутского. Известна критика Розой Люксембург буржуазного парламента за его слабость и неспособность к действительной оппозиции, равно как и убежденность, аналогичная ленинской, в том, что парламент необходимо использовать в качестве трибуны для революционной пропаганды с целью изложения интересов и требований рабочих. Тем не менее она подчеркивала, что парламентская трибуна — единственно свободное, далеко слышимое, именно мирное и значимое средство агитации. Более того, она писала, что после падения Парижской Коммуны началась новая фаза рабочего движения в Европе: «Вместо революции, восстаний, баррикад, после которых пролетариат каждый раз снова впадает в свое пассивное состояние, завязалась систематическая повседневная война, использование буржуазного парламентаризма, массовых организаций... соединение социального идеала с упорной защитой ближайших интересов дня»¹. И очевидно, что не случайно в качестве основного требования анти-милитаристской, демократической программы Люксембург выдвинула требование непрерывного заседания парламента.

Ленин в своей статье категорически выступил против предложенной Люксембург национально-демократической программы. Он утверждал, что эта программа, выдвинутая Марксом в середине XIX века от лица всей тогдашней демократии, — программа прошлого и соответствовала времени, когда перед Германией стояли задачи буржуазно-демократического характера. В одном из писем к И. Арманд Ленин писал, что Юниус выступал за демократию без социалистической революции, не соединяя

¹ Ленин В. И. О брошюре Юниуса. Полн. собр. соч. Т. 30; Социализм и война. Полн. собр. соч. Т. 26.

² Он же. Конференция заграничных секций... С. 166.

³ Он же. Социализм и война. С. 327—328.

⁴ Он же. Война и российская социал-демократия. С. 21.

⁵ Он же. О брошюре Юниуса. С. 1—16.

¹ Люксембург Р. Кризис социал-демократии. С. 3.

органически решение этих двух задач и не подчиняя борьбу за демократию главной задаче — борьбе за социализм¹. Роза Люксембург, считал Ленин, предлагала повернуться лицом к прошлому, а не к будущему. Он упрекал Люксембург за то, что она вплотную остановилась перед правильным лозунгом гражданской войны и, испугавшись, повернула назад к фантазиям «национальных войн»². Поэтому он недоумевал, как это Юниус, прекрасно вскрывший империалистический характер современной войны, «с другой стороны, впал в чрезвычайно странную ошибку, пытаясь за волосы притянуть национальную программу к данной, не национальной войне»³. По его мнению, мир и Германия в том числе (а Германию он относил к числу передовых, развитых стран) стоят на пороге новой эпохи — эпохи пролетарской революции⁴. Вопрос спорный — на пороге какой революции стояла Германия. Однако фактом остается то, и в этом Люксембург более реально оценивала действительность, что в стране оставалась нерешенной масса задач буржуазно-демократического характера.

Хотя оба теоретика неоднократно подчеркивали, что революцию искусственно сделать нельзя (для этого необходим ряд объективных и субъективных условий), а Ленин в работе «Крах II Интернационала» даже сформулировал соответствующие принципы революционной ситуации, Ленина и в теории, и на практике явно отличало большее революционное нетерпение и полемическая заостренность. Люксембург, также являясь пламенной пассионарией, тем не менее занимала особую, более осторожную позицию. Она подчеркивала, например, что революции не возникают по техническим рецептам партийных инстанций, что для их совершения помимо совокупности экономических, политических и психологических факторов нужны и существенное напряжение всех классовых противоречий, и определенная степень сознательности, зрелости, боевого настроения масс — факторы, которые невозможно перечислить и которые ни одна партия не может вызвать искусственно⁵. К тому же прыжок в социализм «никогда не может быть выполнен, если в горячий материал, созданный развитием и материальными условиями, не будет брошена зажигательная искра осознанной воли народных масс»⁶.

Здесь также лежало зерно разногласий с Лениным, настаивавшим на руководящей и направляющей роли партии, партии, закаленной железной выдержкой и дисциплиной, сплоченной одной идеей и программой. Не случайно он неоднократно упрекал германских левых за уступчивость,

¹ Ленин В. И. Письмо к И. Арманд. № 335. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 347.

² Он же. О брошюре Юниуса. С. 14.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Люксембург Р. Кризис социал-демократии. С. 92.

⁶ Там же. С. 103.

требовал немедленного разрыва с социал-шовинистами, создания собственной нелегальной организации. Он был твердо уверен, что все колеблющееся, компромиссное и центристское осталось в прошлом — история вывела на прямую линию, а здесь недопустимы колебания. Люксембург несколько по-иному расценивала роль партии, которая, по ее мнению, должна как бы сопровождать народные движения, давая разъясняющие лозунги, «необходимые для реализации всей суммы пролетарских сил»¹. Большое значение Люксембург придавала инициативе, самостоятельности и воле трудящихся масс. Интересно, что при этом она отводила исключительную роль не политическим боям, что, разумеется, тоже было не последним фактором, а экономическим (стачкам и т. д.), что, по ее мнению, должно было означать наступление новой социальной эпохи.

Особенно острая полемика развернулась между Лениным и Люксембург по поводу ее утверждения, что в эпоху империализма не может быть национальных войн. Было бы ошибкой, писал Ленин, переносить оценку данной войны на все возможные при империализме войны, в том числе предавая забвению национальные движения, и напоминал при этом, что основным принципом марксизма при оценке исторических событий или явлений всегда был конкретно-исторический подход. «Отрицание всякой возможности национальной войны при империализме теоретически неправильно, исторически явно ошибочно, а практически равняется европейскому шовинизму»².

Ленин опровергал довод Люксембург о том, что поскольку мир поделен между горсткой великих держав, то всякая война, если даже она и начиналась как национальная, превращается в империалистическую, задевая интересы империалистических держав или коалиций. Это правда, писал Ленин, что национальные войны могут превращаться в империалистические и наоборот (пример тому хотя бы эпоха французской революции и Наполеона), но что только «софист», т. е. человек, делающий глобальные обобщения на основе частных случаев, вырванных из контекста и перемещенных во времени, «мог бы стирать разницу между империалистической и национальной войной на том основании, что одна может превращаться в другую»³. В одном из своих писем Ленин также высказывался в том смысле, что «нельзя же запретить национальные войны только из боязни, что как бы безголовые люди или жулики опять не выдали империалистические войны за национальные»⁴, что во избежание этой путаницы всегда необходим четкий исторический анализ.

¹ Люксембург Р. Кризис социал-демократии. С. 39.

² Ленин В. И. Военная программа пролетарской революции. С. 133.

³ Он же. О брошюре Юниуса. С. 6.

⁴ Он же. Письмо к Н. Д. Кикнадзе. № 318. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 321.

Эта война вряд ли превратится в национальную, утверждал Ленин, т. к. буржуазия везде реакционна, а классом, определяющим развитие, является пролетариат, класс будущего¹. Однако он считал тем не менее, что «невозможным такое превращение объявить нельзя» — национальная война в Европе могла бы разразиться в случае порабощения европейских государств в духе Наполеона. Это было бы невероятно, это было бы движением Европы вспять, но это не невозможно, «ибо представить себе историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, не диалектично, ненаучно, теоретически неверно»².

В Европе, писал Ленин, возможны и национальные войны со стороны маленьких, допустим, аннексированных или национально-угнетенных государств. Это может случиться на территории Балкан или в России в случае максимального истощения в войне или победы революции. А уж тем более неизбежны в эпоху империализма национально-освободительные войны со стороны колоний или полукolonий, войны, органически выросшие из национально-освободительной политики и называемые европейцами со свойственным им шовинизмом «колониальными войнами»³. Империализм, по мнению Ленина, ускоряет развитие капитализма в отсталых странах и обостряет борьбу против национального угнетения. Такие войны могут привести к великой империалистической войне между великими державами, а могут и не привести — все зависит от конкретных обстоятельств: вмешательство империалистических держав осуществимо не при всех условиях. И вообще, резюмировал Ленин, если рассуждать так, что война маленьких государств против государств-гигантов безнадежна, то ведь и безнадежная война тоже война, а если внутри гигантов разразится революция, то безнадежная война может стать вполне надежной. Отрицание национальной войны при империализме, пишет Ленин, по сути, является выражением отрицания самоопределения наций при империализме.

Такая теория неверна и практически, утверждал Ленин, т. к. на основании того, что якобы никаких войн, кроме реакционных, быть не может, из нее выводят «нелепую пропаганду разоружения», из нее вытекает «еще более нелепое и прямо реакционное равнодушие к национальным движениям»⁴. Такое равнодушие становится шовинизмом, когда члены европейских «великих наций», т. е. наций, угнетающих массу мелких и колониальных народов, заявляют якобы с ученым видом: «националь-

ных войн более быть не может». Страстно защищая права угнетенных наций, Ленин тем не менее в работе «О карикатуре на марксизм» оговаривал, что «не всякую борьбу против империализма мы вправе поддерживать»¹. Исходя из того, что как капитализм по отношению к феодализму — формация прогрессивная и, соответственно, империализм прогрессивен по отношению к доомонополистическому капитализму, он писал: «Борьбу реакционных классов против империализма мы не поддержим, восстания реакционных классов против империализма и капитализма мы не поддержим»². Очень актуальные размышления для наших дней, если иметь в виду бесконечные споры по поводу правомерности современных национальных движений, выступающих под лозунгами отживших эпох, подчас реакционными лозунгами периода патриархально-феодальных отношений, хотя проблема эта настолько сложна, что однозначного ответа на вопросы, поставленные историей, очевидно, быть не может.

* * *

Время шло, война продолжалась. В России разразилась Февральская революция. Люксембург считала, что Февральская, как и Октябрьская революции являлись естественным продолжением революции 1905 года, поскольку не была решена ни одна из проблем, в которых нуждалась Россия. Свидетельством гнилости режима, полагала Люксембург, являлась быстрая победа революции и падение царизма (буквально в один день, причем, этого как бы никто и не заметил)³. Однако она считала, что русская буржуазия, исполнив увертюру первых дней, обусловленную испугом 1905 года и стремлением встать во главе движения, дальше этого не пойдет — она по-прежнему грезит о Константинополе и наживается на войне. Она не способна и не желает решать демократические и социальные задачи, тем более заключать мир, — и здесь пролетариат вступает с ней в острейшее противоречие, в самую острую классовую борьбу «за мир и радикальную программу пролетариата», «за политическую власть в государстве»⁴. Как известно, В. И. Ленин в апреле 1917 г. отказался от буржуазно-демократической программы преобразования России как непосредственной задачи дня, заменив ее на требование «Вся власть Советам!», имея в виду при этом завоевание политической власти (пока мирным путем) для осуществления насущных социальных преобразо-

¹ Ленин В. И. О брошюре Юниуса. С. 6.

² Там же.

³ Ленин В. И. Военная программа пролетарской революции. С. 132; О брошюре Юниуса. С. 6–7.

⁴ Он же. О брошюре Юниуса. С. 9.

¹ Ленин В. И. О карикатуре на марксизм. С. 116.

² Там же.

³ Люксембург Р. Русские проблемы // Роза Люксембург. О социализме и русской революции. С. 299.

⁴ Она же. Февральская революция в России // Роза Люксембург. О социализме и русской революции. С. 296–297.

ваний, не решенных Временным правительством. Здесь позиции обоих лидеров смыкались.

Тем не менее Россия перестала быть монархией, стала буржуазно-демократической республикой, хотя официально Керенский объявил об этом только 1 сентября 1917 г., напуганный корниловским мятежом. Казалось бы, если следовать военным лозунгам германской стороны, с падением абсолютистского режима в России должна была коренным образом измениться вся ситуация, измениться отношение немцев к войне. Должна бы забыться «комедия первых дней войны, когда участие в ней со стороны Германии оправдывалось необходимостью освобождения России и Европы от царского деспотизма»¹. Однако триумфа по поводу свержения монархии в России не наблюдалось, более того, преобладал страх перед усилением России в результате возможного обновления, перед «дурным русским примером». В социалистических кругах, в частности, заговорили о неразвитости российского рабочего класса, который позволил себе революцию в ходе мировой войны (а не в начале или в конце), противопоставляя ему цивилизованность западноевропейских рабочих. Поэтому война против России продолжалась с той только разницей, как отмечала Люксембург, что теперь воевали не против царизма, а против русской революции². Но ведь и новые власти в России не собирались отказываться от участия в войне, имея свои интересы и заверив союзников в верности союзническому долгу.

Продолжавшаяся война усугубляла ситуацию в России — страна подходила к Октябрьской революции. Октябрь, в сущности, был предопределен всем предшествующим периодом развития — известно, что временное демократическое правительство не решило ни одну из кардинальных задач, стоявших перед Россией, не прекратило войну. Слабо понимали российские проблемы, их судьбоносность и союзники, настаивавшие на исполнении Россией ее обязательств. Россия устала от войны, народ в своей основной массе отвергал продолжавшуюся бессмыслицу, уносящую миллионы жизней, — он хотел мира, мира во что бы то ни стало. И большевики выдвинули лозунг мира, что в конечном счете наряду с Декретом о земле явилось коренной причиной их победы.

Декрет о мире, принятый 25 октября 1917 г. II съездом Советов, провозглашал немедленное прекращение войны и установление справедливого демократического мира без аннексий и контрибуций. В отличие от предшествующих лет Ленин поставил проблему мира конкретно и ясно. И здесь не было никакого противоречия, так как он всегда был убежден в том, что действительный мир может быть завоеван только после установ-

¹ Люксембург Р. Февральская революция в России. С. 298.

² Там же.

ления власти трудящихся, власти, основанной на интернационалистских принципах и на отказе от всякого рода эксплуатации¹.

Наряду с основными декретами — о земле и о мире — скоро была принята Декларация прав народов России, где в соответствии с ленинскими принципами была провозглашена свобода и равноправие всех народов, населявших Россию, их права и суверенность. Был зафиксирован принцип права нации на самоопределение, то есть на отделение и образование самостоятельного государства.

По поводу такой трактовки права наций на самоопределение Ленин и до, и в ходе войны вел полемику с представителями других точек зрения внутри социал-демократии, доказывая, что революционер, если он не хочет быть великодержавным шовинистом, если он желает быть последовательным и соответствовать провозглашаемому им принципам, обязан следовать логике вещей и в отличие от всех прежних эксплуататорских режимов признать право нации на самоопределение, вплоть до отделения². В известной работе «О национальной гордости великороссов» Ленин напоминал слова Маркса о том, что не может быть свободным народ, угнетающий другие народы. Ленин утверждал, что национальная гордость и патриотизм, любовь к родине, ее языку, ее культуре, ее традициям не имеют ничего общего со стремлением подчинить себе другие народы, с имперскими амбициями. Настоящее освобождение личности от внутреннего рабства, осознание чувства собственного достоинства начнется тогда, когда человек сумеет выдать из себя чувство превосходства над другими народами. Вообще

¹ Роза Люксембург, исходя из своей концепции неизбежности смены формации в результате мировой войны, не ставила под сомнение объективную необходимость и закономерность русской революции. Она подчеркивала, что Россия в ходе революции реализовала результаты европейского развития за целое столетие, что, по ее мнению, подтверждало органический характер этой революции (Люксембург Р. Рукопись о русской революции. С. 310). В связи с этим она критиковала «присущую внухам мудрость», согласно которой «Россия — страна аграрная и не выварилась в капиталистическом котле» (Люксембург Р. Русская трагедия // Роза Люксембург. О социализме и русской революции. С. 306). Как и Ленин, Люксембург считала, что Октябрьская революция взвалила на себя двойной груз — задачи буржуазной и социальной революции, что Россия объективно стояла перед необходимостью решения социальных проблем, прежде всего аграрной проблемы, поэтому она не могла удержаться «на плаву политической, демократической революции» (Люксембург Р. Рукопись о русской революции. С. 311). Реально, подчеркивала Люксембург, перед русской революцией стояла альтернатива не умеренной демократии, а реставрации монархии, поэтому Октябрь явился фактором спасения русской революции (Там же. С. 314, 315).

² Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 255—320; Он же. Социальная революция и право наций на самоопределение (Тезисы). Полн. собр. соч. Т. 27. С. 252—266; Он же. О национальной гордости великороссов. Указ. соч.

одним из условий успешности социалистических преобразований Ленин считал воспитание народа в духе уважения к другим нациям и народам. Поэтому он так активно требовал от социалистов угнетающих наций признания права угнетенных наций на самоопределение. Ленин и большевики утверждали, что они, безусловно, выступают за объединение трудящихся разных национальностей при социализме, но это объединение должно быть добровольным. Вот что писал по поводу национальной проблемы Л. Троцкий: «...большевистская партия вовсе не брала на себя проповедь сепаратизма. Она обязывалась лишь непримиримо сопротивляться всем и всяким видам национального гнета, в том числе и насильственному удержанию той или другой национальности в границах общего государства. Только таким путем русский пролетариат мог постепенно завоевать доверие угнетенных народностей»¹.

Названные демократические принципы по национальному вопросу были зафиксированы в основных документах, принятых 30 декабря 1922 г., в день образования СССР. Известно, что после продолжительной и нелюбимой дискуссии с представителями сталинского проекта «автономизации», предполагавшим включение национальных республик в состав России, Ленину удалось отстоять федеративный принцип создания Союза, нового Союза, куда на равных основаниях, наряду с прочими республиками, входила и Россия. Эти принципы были зафиксированы позднее в первой конституции СССР в 1924 году.

Ленинская концепция, особенно если учитывать ее мощный демократический импульс, теоретически выглядела весьма стройно и логично. Другое дело, что практика оказалась суровее всех замыслов и ожиданий, прежде всего надежд на то, что при социализме будут решены все национальные проблемы. Правда, доселе спорным остается вопрос, а что, собственно, нужно понимать под советским социалистическим государством — был ли это социализм, или его начальная фаза, отмеченная всеми присущими начальным формационным фазам несуразицами, или вообще нечто совершенно неожиданное. Фактом остается то, что решение национальных проблем натолкнулось на проблему сохранения государственности. Уже в ходе гражданской войны это почувствовал сам Ленин, часто поступая вопреки своим замыслам, когда, желая избежать развала государства, противодействуя центробежным тенденциям, прибегал к жестким, централизованным формам государственного воздействия, хотя национальную независимость ряду республик (Польше, Финляндии, Прибалтике) он предоставить успел. Фактом остается то, что на практике была реализована сталинская модель союза с жестким, централизованным принципом управления. Но это уже другая история...

¹ Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1—2. Т. 2. Ч. 2. М., 1997. С. 36.

Как мы выяснили, Роза Люксембург достаточно прохладно относилась к лозунгу права наций на самоопределение, имея собственные представления об этом вопросе. Хотя известен и тот факт (и это всякий раз подчеркивал Ленин), что она в отличие от некоторых других социалистов, например, польских и голландских, признавала право на самоопределение при социализме. Однако когда социалистическая революция стала реальностью, позиция Люксембург резко изменилась и в этом вопросе. Об этом она писала в «Рукописи о русской революции»¹.

Люксембург высказала много критически верного относительно негативного воздействия лозунга права наций на самоопределение в конкретно-исторической реальности России. По ее мнению, этот лозунг способствовал распаду страны, государственному развалу России. Она упрекала Ленина за упорство при осуществлении этого лозунга, противоречившего, как она считала, государственно-централистскому принципу марксизма, хотя сам Ленин всегда подчеркивал, что отдает предпочтение единой централизованной социалистической республике. Однако в своих теоретических построениях он исходил из сложившихся в России реальностей — из фактора многонациональности, нерешенности национальных проблем, придавленности национальных окраин, наличия шовинистической струи.

Люксембург же считала лозунг права наций на самоопределение своего рода «троянским конем революции», лозунгом для собирания сил контрреволюции, идеологического удушения революции². Она писала, что, провозглашая всем нациям от имени революции и социализма мир и свободное распоряжение своей судьбой, «очевидно, рассчитывали, что это самое надежное средство привязать нерусские народности к революции»³. Однако на практике, подчеркивала Люксембург, получилась обратная картина — нации и прежде всего буржуазные и мелкобуржуазные классы использовали эту

¹ Ленин в ряде работ, в том числе в «Заметках публициста», обращая внимание на ошибки Люксембург, допущенные, в частности, в ее «Рукописи...», отмечал, что тем не менее «она была и остается орлом». После трагической гибели Люксембург от рук реакционеров Ленин не акцентировал больше внимания на ее ошибках, отдавая предпочтение ее заслугам перед революционным движением. Он предлагал опубликовать ее биографию, ее собрание сочинений как полезный опыт для будущего поколения революционеров. Правда, при этом в качестве ее достижений Ленин отмечал ее наиболее радикальные высказывания, в частности, по поводу оппортунизма. Так, он утверждал, что Роза войдет в историю рабочего движения своим утверждением от 1914 года, что социал-демократия — «смердящий труп», и высмеивал Каутского, Леви и других правых социал-демократов, пыгающихся выставить в качестве наследия Люксембург именно то, что Ленин считал ошибками, — отступления от радикальной линии (См.: Ленин В. И. Заметки публициста. С. 421—422).

² Люксембург Р. Рукопись о русской революции. Указ. соч. С. 320.

³ Там же. С. 317.

свободу, чтобы выступить в качестве смертельного врага русской революции. Самостийная Украина, отмечала Люксембург, вообще — торжество контрреволюции. И украинская, и финская буржуазия даже предпочитали германский деспотизм своей национальной свободе, если свобода связана с опасностью большевизма, подтверждая давнюю истину о том, что буржуазия руководствуется в своей политике не национальными, а классовыми интересами.

Национальное движение, далее писала Люксембург, отодвинуло местный пролетариат от России, парализовало его и выдало национальной буржуазии российских окраин. Здесь существенно радикализировавшаяся Люксембург выступала яростной сторонницей социалистической революции — все должно быть подчинено этой революции, ее сохранению и распространению. Любой сепаратизм, заявляла она, — чисто буржуазная ловушка, и надо было железной рукой подавить его «в зародыше — что соответствовало бы истинному духу и смыслу пролетарской диктатуры»¹. Большевики же, вызвав замешательство народных масс и дав простор демагогии буржуазных классов (при том, что существенную роль здесь сыграли и немецкие штыки), сами подготовили распад России, сами вложили нож в руки своих врагов, нож, который был вонзен в сердце русской революции.

Из всего этого Люксембург делала вывод о том, что национальные движения представляют собой величайшую опасность для международного социализма, что они в принципе реакционны. Национальные движения, по мнению Люксембург, приобрели чрезвычайную силу именно в результате русской революции², а это, в свою очередь, привело к диктату Германии, террору и подавлению демократии.

Все эти высказывания при всей их спорности побуждают к дальнейшим размышлениям по поводу сочетания национального и государственного. Они весьма актуальны и в наше время во многих странах, актуальны и в самой России (особенно если изменить терминологию и, положим, вместо буржуазии говорить об элитах и т. д.). Во всяком случае, они наводят на размышления о необходимости, во избежание осложнений, тщательного продумывания конкретных политических решений и лозунгов по судьбоносным государственным проблемам, в том числе и национальным. И тем не менее трудно согласиться с общим фоном рас-

¹ Люксембург Р. Рукопись о русской революции. С. 320.

² Троцкий уточняет, что не Октябрьская, а уже Февральская революция стимулировала всплеск национальных движений по всей России, вызвав политическое пробуждение придавленных гнетом национальных меньшинств, а «политическое пробуждение... не могло... произойти иначе, как через родной язык, со всеми вытекающими отсюда последствиями относительно школы, суда, самоуправления» (Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 43).

суждений Люксембург, склонных к силовому решению проблемы, что не раз имело место в истории, в частности, в сталинский период.

Разногласия между Лениным и Люксембург имели место и по проблеме Брестского мира¹. Как известно, руководствуясь социалистическими принципами, зафиксированными в Декрете о мире, Ленин настоял на заключении мира с немцами. Сказывались соображения, связанные с общим состоянием страны, с общей усталостью, с развалом армии, с тем, что социалистическое правительство в случае незаключения мира ничем не будет отличаться от буржуазных правительств.

Заключение мира на принципиально новых основах, равно как и выдвижение новых принципов во внешнеполитических отношениях, было потребностью и велением времени. Известно, что американский президент Вудро Вильсон в январе 1918 года (практически одновременно с ленинским Декретом о мире) в послании к объединенной сессии палат Конгресса, известном как «Речь о 14 пунктах», выдвинул аналогичные демократические принципы устройства мира. Вильсон позитивно отнесся к внешнеполитическим инициативам советского правительства, в частности, к дипломатическим шагам в отношении заключения мира с Германией². Он подчеркивал, что переговоры заслуживают «самой высокой похвалы» за «абсолютно ясное заявление о принципах мирного урегулирования и способах его достижения», говорил о «справедливой», «разумной» и «истинно демократической» позиции большевистских дипломатов, особо отмечая открытость и прозрачность проводимой ими линии³. Такая оценка доминировала у Вильсона по крайней мере до марта 1918 г., когда окончательно проявившиеся классовые позиции развели Советскую Россию и Соединенные Штаты Америки по обе стороны баррикад.

Что касается Розы Люксембург, то она в работе «Русские проблемы» подчеркивала, что успех пролетарской революции зависит «от реализации лозунга о мире, от того, сможет ли он положить конец войне»⁴, то есть, как и В. И. Ленин, проблему сохранения советской власти в конечном счете ставила в зависимость от окончания войны и заключения мира.

Таким образом, оба социалистических лидера хотели сохранить завоевания революции, но каждый понимал эту задачу по-своему. Вопрос этот спорный и остается таковым и по сей день. Как и прежде, есть сторонни-

¹ См.: Чубарьян А. А. Брестский мир. М., 1964; *Он же*. В. И. Ленин и идея формирования советской внешней политики. М., 1972.

² Мальков В. Л. Вудро Вильсон и новая Россия (февраль 1917 — март 1918 г.) // ННИ. 1999, № 6; 2000, № 1. С. 123—133.

³ Там же. С. 123; См. также: Мальков В. Л. Россия и США в XX веке. М., 2009. С. 102—153; *Он же*. Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 62—67.

⁴ Люксембург Р. Русские проблемы. Указ. соч. С. 299.

ки и противники тогдашнего, по выражению Ленина, «похабного» мира. В 1918 г. особенно яростно выступали за продолжение войны с немцами «левые коммунисты»¹. Они утверждали, что война с приходом большевиков потеряла свой империалистический характер и что теперь, для спасения русской и пробуждения мировой революции, необходима революционная война против германского милитаризма. В сущности, к позиции «левых коммунистов» примкнула и Роза Люксембург.

Она считала, что мир с немцами способствовал затягиванию войны и ослаблению мировой революции, удушению русской революции, так как он усилил милитаристские эмоции и бесцеремонность германского империализма (Россия как бы поставила себя в зависимость от него), который, нарушая договоренности, продолжал оккупировать русские территории. Этот мир усиливал и амбиции Антанты, для которой хозяйничанье немцев в России явилось поводом для утоления имперских аппетитов «за счет беззащитного колосса»². Кроме того, считала Люксембург, Брестский мир существенно сократил социальную базу русской революции, усилил сопротивление большевистскому государству и проводимым им реформам. Остановливаясь на позиции эсеров в ходе этого кризиса, Люксембург писала, что в любой революции, развивающейся, подобно русской, по восходящей, неизбежен раскол в лагере социалистов, но здесь ко всем проблемам присоединилась проблема войны и мира и господства Германии. В этой связи убийство Мирбаха и позиция эсеров — «понятный ответ на террор и господство германского империализма в России»³.

Другими словами, здесь теоретик германских левых подчеркивала исключительную роль национального фактора для победы революции, негативное воздействие на ее ход чувства униженной нации, что трудно оспаривать, как трудно оспаривать и неоднократные утверждения Ленина о том, что для решения национальной проблемы нужно решить социальные проблемы, а для этого необходимо заключить мир любой ценой.

В этот период обострились разногласия между Лениным и Люксембург по уже упомянутому нами вопросу об Учредительном собрании. Как известно, наличие парламента, всеобщего избирательного права, демократических прав и свобод Люксембург считала осуществлением лозунга права наций на самоопределение. Поэтому она выступила категорически против разгона большевиками Учредительного собрания в январе 1918 г. Доводы большевиков, в первую очередь Троцкого, в пользу роспуска только что избранного парламента (Троцкий утверждал,

¹ См. подробнее: *Тютюкин С. В.* Ленин и Бухарин: леворадикальное крыло марксизма в период Первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы. Отв. ред. Ю. А. Писарев, В. Л. Мальков. М., 1994. С. 140–153.

² *Люксембург Р.* Русская трагедия. Указ. соч. С. 302.

³ Там же. С. 303.

что представительные учреждения слишком неповоротливы и не успевают за стремительным ходом революции, тормозят ее) она считала неубедительными и противоречащими историческому опыту. Люксембург утверждала, что революция, называвшая себя социалистической, должна опираться на широкое демократическое движение масс, иметь демократический стержень. Это движение находит свое выражение в деятельности представительных учреждений. «Живые флюиды настроения народа постоянно омывают представительные учреждения, проникают в них, управляют ими»¹. Только тогда, когда возникнут демократические институты, смогут сложиться условия для победы социалистических принципов. Уже в ходе германской революции 1918–1919 гг. Люксембург, не отказываясь от принципа советской власти, тем не менее, вступая в конфронтацию с радикальным крылом немецких социалистов (с конца декабря 1918 г. — немецких коммунистов), настаивала на необходимости созыва Национального собрания².

Что же касается национального вопроса, то, что бы ни говорили по этому поводу, предложенная Сталиным схема национально-государственного строительства не спасла страну от развала, и одна из главных причин этого — нерешенность национальной проблемы (наличие централизованной

¹ *Люксембург Р.* Рукопись о русской революции. С. 323.

² Признавая правоту такой позиции, в частности, осуждение действий большевиков как неправомερных, следует, однако, заметить сложность и неоднозначность этой проблемы. Известно, что Учредительное собрание (а большинство в нем составляли эсеры) отклонило Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, составной частью которой были, среди прочих декретов советской власти, и декреты о мире и о земле. Декрет о земле, как известно, представлял собой собственно эсеровскую программу, программу, осуществление которой столько лет ждал русский народ. Эсеры в Учредительном собрании отвергли свою собственную программу под тем предлогом, что ее предложили большевики, незаконно узурпировавшие власть. Известно также, что не кто иной, как адмирал Колчак, провозгласивший себя Верховным правителем России, в декабре 1918 г. окончательно разогнал и посадил под арест бывших членов Учредительного собрания, оформившихся к тому времени как Комитет членов учредительного собрания (Комуч). Кстати, Люксембург отвергала эсеровскую программу раздачи земли в мелкое пользование, что, по ее мнению, лишь стимулировало бы частнособственнические настроения у крестьян, и настаивала на немедленной организации крупных коллективных хозяйств. Позднее Советская Россия прошла этот трудный путь. Впрочем, как подтвердила современная история, готовых рецептов социального переустройства не бывает — все познается на историческом опыте. Сама Люксембург признавала, касаясь опыта советской власти: «Осуществить пролетарскую диктатуру и социальный переворот в одной отдельной стране, окруженной со всех сторон жестким господством империалистической реакции, вокруг которой бушует самая кровавая во всей истории мировая война, — это квадратура круга» (*Люксембург Р.* Русская трагедия. С. 305).

государственности не означает автоматического решения этого вопроса). К тому же, как показала современная история, даже при всем интернационализме, при всей дружбе и братстве народов, коими гордился Советский Союз, можно очень быстро сделать ситуацию в национальном вопросе совершенно дикой и запущенной, если включаются, владея к тому же средствами массовой информации, безответственные и своекорыстные субъективные силы. В период распада Советского Союза как раз и действовали такие центробежные силы и обстоятельства — истерия националистических кругов, состоявших из местной элиты, общее недовольство партийно-бюрократическим режимом, эгоистические моменты и желание немедленного установления царства Божьего на земле. Романтические иллюзии скоро развеялись: местная элита без сдерживающего фактора оказалась намного эгоистичнее московской бюрократии — у многих людей из бывших советских республик появилась ностальгия по прежним временам.

Решить национальную проблему в рамках единой государственности в многонациональной стране, как показал мировой исторический опыт, опыт СССР, чрезвычайно сложно — и по сей день возникают всевозможные конфликты и локальные войны. В последние годы советской власти проблему пытались решить, выдвинув, в сущности, ленинский лозунг права наций на самоопределение, что дополнительно стимулировало распад Советского Союза¹. Слабые же попытки найти решение в рамках старой, имперской силовой политики только усугубили процесс. Кольцо замкнулось. Проблема остается открытой и касается целостности уже самой России. Впрочем, подобное происходит и в других регионах мира. И очевидно, что еще долго придется находиться в процессе поиска цивилизацией сбалансированного сочетания государственных и национальных интересов — все решится в ходе исторического развития.

¹ О разрушительной силе сепаратизма и национально-эгоистических устремлений, необходимости централизованной национально-государственной политики, в частности, для современной России, пишет Е. М. Примаков в статье «Россия и международные отношения в условиях глобализации» (Международная жизнь. 2001, № 3). В статье говорится следующее: «Марксистская формула «уважения принципа равноправия и самоопределения народов», которая по инициативе СССР была закреплена и в Уставе ООН, для нашего времени устарела. Сейчас 2,5 тыс. этнических групп, национальных групп, населяют 150 многонациональных государств. Представьте, какой бы хаос был в международных отношениях, если бы мы пошли на обеспечение права любой из этих этнических или национальных групп выделяться в самостоятельное государство». Там же. С. 5.

Ватиканский Собор 1869–1870 годов и российская дипломатия

3 декабря 1869 г. в Риме начал свою работу Вселенский Собор. По причине того, что на нем предстояло принятие догмата о непогрешимости папских решений в области веры и нравственности, он привлек к себе самое пристальное внимание всех правительств. Россия не составляла исключения. Более того, после разрыва отношений в 1866 г. он послужил для нее новым важным поводом для выяснения перспектив их восстановления.

В программе собора в С.-Петербурге увидели «дерзкий вызов, брошенный иезуитством европейской цивилизации и всем правительствам». Со своей стороны, папа, одобряя эту программу, отнес Россию к большинству католических государств, в отношении которых Ватикан не скрывал своей неприязни. Обращаясь непосредственно к епископам, папа выразил надежду в адрес всех правительств, что они не будут создавать препятствий созыву этого собрания. Как и большинство этих правительств, императорское правительство решило предоставить Ватикану свободу действий, отклоняя, однако, административным путем любое противозаконное вмешательство Церкви в гражданские дела¹.

Конкретно о настрое в отношении России в Риме накануне Собора можно судить по двум таким документам, специально подготовленным Св. Престолом к Собору, как «Краткий исторический обзор о религиозном положении в России и Польше» и «Общие размышления».

В первом все внимание было сосредоточено на Духовной коллегии². Отмечалось, что ей «подчинена вся жизнедеятельность католицизма в этих странах», что она представляет «подлинный верховный трибунал, от которого зависит не только административная сторона жизни Церкви, но также юрисдикция. Опасность же, от этого проистекающая, тем более велика, что, хотя отчасти и состоящая из священнослужителей, она полностью зависит от каждодневных манипуляций делами прокурора, а

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Отчёты МИД. 1869. Оп. 375. Л. 31.

² Она была учреждена еще в 1801 г. для империи в качестве высшего духовного судебного учреждения. Первоначально ее ведению подлежали дела духовные и церковные, относящиеся к догматам веры и каноническим правилам. Позднее на нее были возложены некоторые административные обязанности. Она состояла из председателя (им был митрополит, т. е. моголевский архиепископ), двух членов и заседателей (по одному от каждой епархии), прокурора и секретаря.

Содержание

К юбилею Виктора Леонидовича Малькова.....	5
<i>Поздеева Л. В.</i> Научная деятельность В. Л. Малькова	7
<i>Коленеко В. А., Троицкая Л. М.</i> Вклад В. Л. Малькова в научную проблематику «Американского ежегодника». 1971–2010	12

Раздел первый

Теория и методология истории

<i>Хвостова К. В.</i> Проблема истины и объективности в исторической науке.....	23
<i>Репина Л. П.</i> Память, история и национальная идентичность: «мобилизация» понятий в историко-теоретических исследованиях.....	38

Раздел второй

Проблемы войны и мира в международных отношениях

<i>Кудрина Ю. В.</i> Политика нейтралитета Скандинавских стран накануне и в годы Первой мировой войны	51
<i>Егорова Н. И.</i> Формирование восточного блока как западной границы коммунистической системы, 1947–1955 гг.	71
<i>Ржешевский О. А.</i> Долгая дорога к Эльбе.....	91
<i>Степанов А. С.</i> Советско-американские контакты в области авиастроения в 1930-х годах и последствия «морального эмбарго» 1939 г.	102
<i>Ревякин А. В.</i> Восприятие военными кругами России положения на Западном фронте в 1916 г.	133
<i>Бровко Л. Н.</i> Международная социал-демократия начала XX века о войне, мире и национальном вопросе	164
<i>Серова О. В.</i> Ватиканский Собор 1869–1870 годов и российская дипломатия	189

Раздел третий

США и Европа в новое и новейшее время

<i>Лапицкий М. И.</i> Россия — США: две страны, два мира.....	211
<i>Чертина З. С.</i> Иммиграция в Западную Европу: дилемма XXI в.	233
<i>Иерусалимский В. П.</i> Партийная система Берлинской республики в процессе трансформации	246
<i>Лапина И. К.</i> Разделенное правление и социально-экономическая политика США в 1970-е — начале 1990-х годов	280
<i>Макаренкова Е. М.</i> Французская социалистическая партия в 70-е годы XX в. Испытание кризисом, смена парадигмы.....	295

<i>Печатнов В. О.</i> Франклин Д. Рузвельт глазами британской дипломатии (или этюд в стиле юбиляра).....	310
<i>Листиков С. В.</i> Проблема независимости Финляндии на Парижской мирной конференции в контексте вопроса о сохранении целостности России (по материалам белого движения).....	327
<i>Шаццлло В. К.</i> Американско-германское соперничество в Латинской Америке: причины и последствия (1898–1917 гг.).....	351
<i>Саломатин А. Ю.</i> Американская модель государственной модернизации (конец XVIII–XIX в.) (К постановке вопроса)	380
<i>Лабутина Т. Л.</i> Британские разведчики в России (XVI–XVIII вв.)	389

Раздел четвертый

Цивилизации в историческом процессе: своеобразие и взаимодействие

<i>Иерусалимская Е. В.</i> «Скажи мне, кто твой друг...» Внешняя политика Англии в период Реставрации.....	415
<i>Винокурова М. В.</i> Эволюция свободного держания в юго-западной Англии (60-е гг. XVI — 30-е гг. XVII в.).....	438
<i>Кузьмина М. В.</i> Образ короля в формировании идеала семейных отношений во Франции XIV в. (по материалам «Le Ménagier de Paris»).....	449
<i>Стецюра Т. Д.</i> «Взятые у лихоимца деньги подобны укусу змеи...» Проблема ростовщического процента в «высокой схоластике»	461
<i>Буданова В. П.</i> «Готский миф» и «Гетика» Иордана.....	475
<i>Гладков А. К.</i> «Итальянская одиссея» Иоанна Солсберийского.....	494
<i>Кудрявцев О. Ф.</i> «Другой мир»: характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом	508

Раздел пятый

К истории атомного проекта

<i>Визгин В. П.</i> 1946 год: первые шаги на пути к мирному атому.....	543
<i>Смирнов Ю. Н.</i> В поисках фактов и истины	565
Список основных научных трудов В. Л. Малькова.....	575